

**НАУМОВ В. М. и НАУМОВА А.
— ПЕШКОВОЙ Е. П.**

НАУМОВ Василий Михайлович. Священник, служил в церкви села Богучары Воронежской области. 4 декабря 1926 — арестован по обвинению в "принадлежности к монархической организации", в декабре отправлен в Москву и заключен в Таганскую тюрьму. В декабре 1926 — он обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<20 декабря 1926>

«Красный Крест помощи политзаключенным
Екатерине Павловне Пешковой

Осужденного Центр<альной> Коллег<ией>
ОГПУ по ст<атьям> 119, 69 на три года в
концентрац<ионный> лагерь <в> Кемь,
священника Василия Михайловича Наумова

Заявление

9/XII-26 г<ода> я был арестован в г<ороде> Богучаре Воронеж<ской> губ<ернии> уполномоченным местного ОГПУ, через три дня препровожден в Воронеж, где мне был объявлен приговор о ссылке в Кемь. Ни родных, ни знакомых после ареста не имел возможности видеть. Нет теплой одежды, обуви и мало белья. Верхнее платье очень ветхое. Денег на покупку не имею. Прошу оказать возможную помощь.

Священник В. Наумов. Таганка, Перессыльская, камера № 2
20/XII-26 г<ода>»¹.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой: «Послать т<еплое> белье. 23.XII. ЕП».

В мае 1927 — священник Василий Наумов был приговорен к 3 годам концлагеря и этапирован в Соловецкий лагерь особого назначения (Кемь). В мае 1929 — освобожден из лагеря досрочно по амнистии и выслан в село Уватское Тобольской области, в 1930 — переведен в село Репалово Остяко-Богульского округа.

В мае 1932 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Анна Ивановна Наумова, жена священника Василия Наумова.

<4 мая 1932>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Помогите мне вернуть из Сибири моего мужа Василия Михайловича Наумова, священника г<орода> Богучара Воронежского ок<руга>. Он уже более пяти лет страдает в ссылке, не будучи виновным ни в политическом, ни в уголовном преступлении. В этом месяце кончается срок его ссылки. Он был арестован осенью 1926 г<ода>, отправлен в Воронеж, потом в Москву, где и был приговорен к ссылке в Соловки на 3 года за принадлежность к монархической организации.

Оклеветали его попы-живоцерковники за то, что он в своем благочинии не допускал их служить, а держался старого служения. Ни к монархической, ни к какой другой политической организации он не принадлежал, а его связи возникали только на почве церковных дел, без всяких замыслов против советской власти. Но некому было похлопотать о

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 111. Л. 35. Автограф.

нем, разъяснить клевету его личных врагов, и пришлось несчастному работать в Кеми, а потом в лесах севернее Мурманска, не имея ни от кого поддержки.

В конце мая 1929 г<ода>, за 9 месяцев до срока, по амнистии мой муж был отправлен в Ленинград "на предмет освобождения". Но вместо радостной свободы и свидания с семьей получил еще 3 года "вольной" ссылки в Сибирь.

Совершенно обнищавший, раздетый, не получая помощи, т<ак> к<ак> трудно было списаться, он шесть месяцев мучился по этапным тюрьмам, пока, наконец, из Тюмени ему и некоторым другим разрешили на свой счет добраться до Тобольска. Почти 200 верст прошли они пешком при 25-ти градусном морозе с ветром, надеясь, что в Тобольске они будут уже свободны. Но оттуда их отправили по этапу в с<ело> Уватское, где с величайшим трудом удалось найти угол и временную работу. Через несколько месяцев отправили в другое село, потом еще дальше в Сургут, где мой муж, не находя по своим ослабевшим силам работы, дошел до крайней нищеты.

Летом прошлого года он заболел плевритом, обострилась еще болезнь кишечника, требующая операции и в довершении несчастий — новое переселение в с<еле> Репалово Остяко-Вогульского округа и еще более тяжелая нужда и голод, т<ак> к<ак> работу получить еще труднее, как и продукты.

За что же такие страдания, когда он не сделал преступления?

За что и я с детьми так жестоко наказана?

После ареста моего мужа моих трех мальчиков выкинули из школы. Старший, уехавший на работу в Турксиб, через месяц там умер, а младший мой сынишка, которого он взял с собой, так и остался там у чужих людей, приютивших его, т<ак> к<ак> возвращаться ему некуда. И второй мой сын неизвестно где бродит с беспризорными. Только трем девочкам посчастливилось окончить семилетку и получить работу. Но одна из них от хронического недредания наболела туберкулезом и уже не в силах работать. Я с самой младшей четвертой дочуркой тоже очень бедствую. Горе убило мои силы, и я не дождусь никак возвращения мужа, чтобы хоть о нем не волноваться, что он старый и одинокий погибает в Сибири. В менее суровом климате он мог бы зарабатывать, тем более, что он рад всякой работе по своим силам.

Еще раз умоляю Вас, похлопочите о нем, так как срок его ссылки кончился. Ведь пять с половиной лет тяжелых страданий для целой семьи это достаточно даже за то преступление, какое ему напрасно приписали. Тем более, что обессиленный и запуганный несчастьями старик безвреден уже и для власти, и для общества.

Очень прошу, если выхлопочите мужу свободу, телеграфируйте ему по адресу: с<ело> РЕПАЛОВО Остяко-Вогульского округа Василию М<ихайловичу> Наумову, а то письма идут туда месяцами. мне же сообщите по адресу: Алушта, Христине Михайловне Сергеевой для А<нны> Ив<ановны> Наумовой, так как я живу то у одной, то у другой дочери и боюсь лишиться их работы из-за моих хлопот о их ссыльном отце, от сношений, с которым они должны были отказаться ради куска хлеба.

Прилагаю десять рублей на телеграфные расходы.

Буду Вам всю жизнь благодарна за помощь.

Анна Наумова².

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Перевести ему прилагаемые 10 р<ублей>, о чем известить ее. ЕП».

13 мая на письме — вторая помета Е. П. Пешковой:

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 721. С. 28-29. Машинопись, подпись — автограф.

«Муж Вас<илий> М<ихайлович> Наумов в Репалово. Запр<осить> Уч<етный> о<тдел> об извещении, т<ак> к<ак> оконч<ена> в мае ссылка в Сиб<ирь>. ЕП».

В середине 1932 — священник Василий Наумов находился еще в село Уватское Тобольской области³.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1446. С. 131.